Наша Газета
nashagazeta.ch
Published on *Швейцарские новости на русском языке* (http://nashagazeta.ch)

Наши люди
СТАТЬИ ПО ТЕМЕ

Эрик Булатов: «Я хотел выразить время»|Eric Boulatov : « Je voulais exprimer mon temps »

Автор: Надежда Сикорская, Женева, 30. 03. 2016 Просмотров:195

Художник Эрик Булатов (© Nashagazeta.ch)

В женевской галерее Skopia до 7 мая проходит выставка одного из самых ярких российских художников, которого связывают со Швейцарией особые давние отношения. Эксклюзив Нашей Газеты.ch.

|

Jusqu’au 7 mai la galerie genevoise Skopia présente l’exposition d’une figure majeur de l’art

contemporain russe, qui a des liens solides avec la Suisse. Exclusivité Nasha gazeta.ch.

Наша Газета.ch уже имела случай подробно рассказывать об Эрике Владимировиче, три года назад отметившем 80-летие, но продолжающем активно работать и выставляться. Любознательные читатели имеют возможность ознакомиться с этими более ранними публикациями, а остальным напомним лишь, что успех пришел к этому выпускнику Художественного института имени В.И. Сурикова не сразу. В течение многих лет он зарабатывал на жизнь работой в издательстве «Детгиз», оформляя детские книжки в отличной компании – с Ильей Кабаковым и Олегом Васильевым.

Впервые его работы были представлены на коллективной выставке в Москве в 1957 году, а персональной пришлось дожидаться еще 31 год. Но успех все же пришел, в том числе, и финансовый, Булатов – один из самых дорогих современных русских художников, его работы продаются на аукционах за миллионы долларов.

Несмотря на то, что с 1992 года Эрик Владимирович с супругой Наташей живут, в основном, в Париже, он продолжает считать себя русским художником и регулярно бывает в Москве, где недавно прошли две его ретроспективные выставки: в 2014 году в «Манеже» и в 2015-м в «Гараже».
Мы были счастливы возможности побеседовать с Эриком Булатовым после вернисажа его текущей женевской выставки.

Эрик Владимирович, Ваши поклонники переживают – почему так мало картин, всего 260 за весь долгий творческий путь?

Я был бы очень рад, если мог бы работать быстрее. Но быстрее у меня не получается просто потому, что не сразу выходит, то, что хочется, то, что нужно. Работа начинается с того, что возникает какой-то образ – в сознании ли, или в подсознании, но всяком случае, я его отчетливо вижу. А когда пытаюсь материализовать, не выходит. Редко что-то получается сразу. Приходится довольно долго искать возможность выразить то, что хочется, так сказать, сообщить. Обычно я делаю много подготовительных рисунков, в которых ищу концепцию образа, потому что сразу в картине – это вообще страшная мука. А в маленьких рисунках получается быстрее, хотя сделать их много, пока не наступает момент, когда я вижу, что - похоже, узнаю! Тогда уже я могу приступать к большой картине. Кстати, как раз большие картины я пишу довольно быстро. Так что писать больше не получается не потому, что я ничего не делаю… Я стараюсь!

В этом никто не сомневается! И спасибо Вам за уже сделанное и за то, что ждет впереди. Со Швейцарией Вас связывают давние и особые отношения, о которых Наша Газета уже рассказывала: именно здесь, точнее, в Цюрихе, в 1988 году состоялась Ваша первая персональная выставка, с которой, собственно, и началась международная карьера. В швейцарских музейных (Базель, Берн) и частных коллекциях (Берн, Базель, Женева, Цюрих) работ во много раз больше, чем на всем пространстве бывшего СССР. Когда при Вас произносят «Швейцария», какой образ сразу возникает перед глазами?

Швейцария… *(задумывается)* Даже не знаю… Это моя вторая родина, я очень благодарен этой стране и всегда приезжаю сюда с самым теплым чувством.

А нарисовать что-то «швейцарское» не хочется?

Я даже пытался, на меня произвело очень большое впечатление Женевское озеро, вид на него из Лозанны, эти лебеди, горы… Такая красота! Но вот не получилось…

Может, надо чаще приезжать? Больше гулять вдоль озера?

Наверное *(улыбается)*. Но если говорить об образе Швейцарии, то, видимо, это как раз озеро плюс горы.

Несмотря на любовь к Швейцарии, жить Вы предпочитаете в Париже, в отличие от многих по-разному знаменитых россиян, избравших Альпийскую страну…

О том, чтобы остаться в Швейцарии, мы никогда и не думали, ведь мы просто приехали тогда на работу, это была никакая не эмиграция. Да никто здесь и не приглашал оставаться. Приглашали в Германию, во Францию, но сначала мы выбрали Нью-Йорк, прожили там полтора года, а потом стало ясно, что все-таки наше место в Европе – сознание у нас европейское, а Америка это что-то чужое. И тогда Париж показался наиболее подходящим из городов.

Ну, традиция оседания русских художников в Париже тоже имеется…

Да конечно! *(смеется)* Всегда русские художники стремились в Париж, да и я с детства о нем мечтал.

Вы – наглядное подтверждение известной фразы о том, что «нет пророков в своем

отечестве». На родине Вас узнали, поняли (те, кто понял) и оценили совсем недавно, гораздо позже, чем на Западе. Поскольку Ваш случай – далеко, увы, не единственный, можно говорить о феномене. Чем Вы объясняете такую «особенность советско-российского менталитета»?

Ох, не знаю… Хотя я не уверен, что это чисто русское явление, скорее, это вообще свойственно людям, оно также проявляется и в других национальных культурах. Наверное, это как-то связаны с национальными культурными особенностями, но как именно, я никогда не думал. Что же касается лично меня, то, конечно, дело было в советской, а не русской, системе, в советской идеологии.

Вы в обиде?

Да нет, на что же тут обижаться? Я вообще был готов к тому, что я никогда не смогу показать то, что делаю, что никогда не смогу на это существовать. Поэтому то, что произошло, было просто подарком судьбы, каким-то счастьем… Я смотрю на это, как на вторую судьбу: первая кончилась, началась вторая.

В последние годы Вы бываете в России уже как почетный гость, как национальное достояние. На Ваш взгляд, это действительно «новая Россия» или сменились просто вывески, а суть осталась?

То, что просто сменили вывеску, а осталось совсем тоже самое, сказать нельзя. Пока открыты границы, пока мы можем ездить туда-сюда, это уже не имеет ничего общего с советской системой. Обычно так говорят те, кто ее не застал. А я ведь еще помню последние сталинские годы. Те, кто не знают, что было тогда, еще могут питать какие-то иллюзии и хранить нежные воспоминания о советской системе, у меня же их нет. Есть опасность национализма, есть угроза возвращения в прошлое, и это очень неприятно. Но, как я уже сказал, пока открыты границы, возвращения к советской системе не будет. С другой стороны, моя последняя выставка в Манеже показала мне, как молодым людям нужно искусство, как они тянутся к нему! Для меня это был настоящий праздник, я никак такого не ожидал. Приходили молодые художники, просто люди – подходили, интересовались, просили прочитать лекцию, внимательно слушали. Я был просто поражен!

Ведется много скептических разговоров о том, что молодым ничего не надо, что искусство кончилось… Это не так! Я понимаю, что многим, может, и не нужно, но многим другим – нужно, я это видел своими глазами.

Правда же, это внушает надежду?

Конечно, ведь они – наше будущее, благодаря им я не могу разделить полностью скептический взгляд на то, что происходит сейчас в России. Да, ситуация сложная, ощущение того, что страна окружена врагами, вызывает необходимость сплочения вокруг правительства, каким бы оно ни было. Под это дело, на фоне внешнего враждебного окружения, и поднимает голову внутренний национализм, самый дурной, самый советский. Я считаю очень большой ошибкой то, как ведет себя Европа по отношению к России. Именно контакты, максимальное общение способны изменить сознание людей к лучшему, стимулировать развитие демократии и так далее. А отталкивание России вызывает естественную ответную реакцию. Как раз в этом и таится опасность.

Помните историю, когда «защитники чувств верующих» вторглись на выставку в Манеже и начали ее громить? Это как расценить?

Я считаю, что позиция церкви вообще очень неприятная, в культуре она играет очень скверную роль. Государство не должно вмешиваться в такие дела, а когда подобное вмешательство происходит, то крайне путает карты. С одной стороны, художник не должен позволять себе выходки, которые действительно оскорбляют чувства верующих – это мое глубокое убеждение. Если ему не нравится поведение Церкви, он вправе выразить свое мнение, найдя для этого подобающий способ. Но религия, верование – это вопросы, над которыми издеваться нельзя. В принципе, если творческий человек хочет что-то сказать в этой сложной и острой ситуации, то он должен поступать именно как художник, то есть он должен найти художественную форму, образ, который бы выразил его мысли и чувства. В изобразительном искусстве первичен образ, а слово, толкование всегда вторично. Если же художник выступает как гражданин или просто как человек, живущий в этой стране и имеющий право высказаться, он должен понимать, что обязан будет принять на себя всю

гражданскую ответственность. И не кричать потом, что мне зажимают рот, и не прятаться за искусством. То есть гражданский поступок должен таковым и быть и как таковой рассматриваться.

Но где эта грань? Все мы знаем хрестоматийное «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»? Что делать, когда все переплетено? Какую черту нельзя пересекать при выражении своей гражданской позиции через искусство?

Когда художник выражает свою позицию через искусство, это и будет искусством. А когда совершается поступок, проводится акция, называемая художественным произведением, то это другое. Да, граница здесь сложная, неоднозначная, но она обязательно есть, и художник не может не осознавать этого. Как правило, подобные спорные ситуации возникают оттого, что молодой художник хочет обратить на себя внимание любыми средствами, любыми. Самое прямое и просто средство – это скандал. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что скандал будет, человек проводит акцию под видом произведения искусства. Это бессовестно, и ответственность художника здесь очень серьезна. Конечно, государство не должно вмешиваться в дела искусства, но не надо его и намеренно провоцировать, иначе вина оказывается равнозначной.

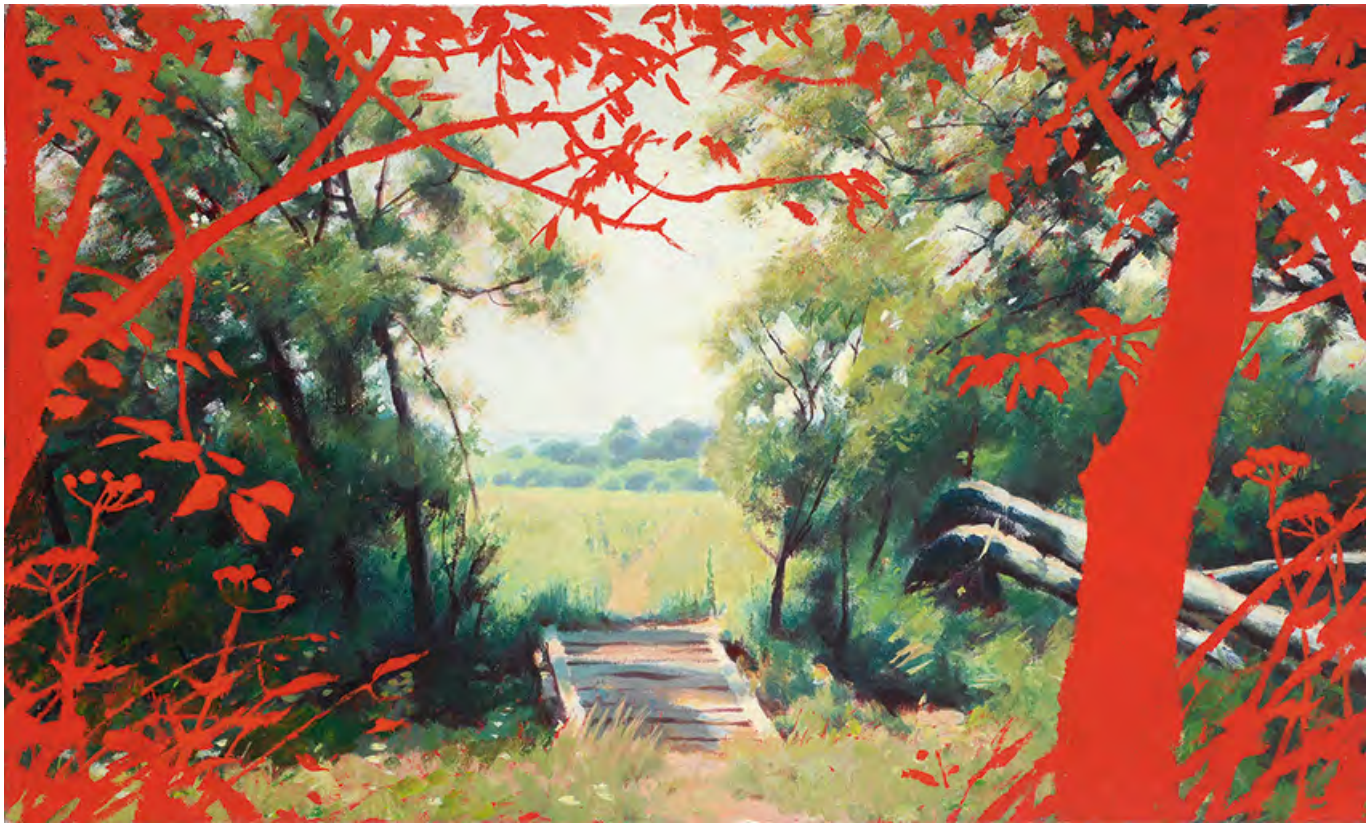
В результате получается, что когда этого художника начинают преследовать, когда его осуждают, а то и помещают в заключение, то тут, конечно, надо за него заступаться, даже если этого не хочется. Но приходится. Именно поэтому художник не имеет права создавать такие ситуации.

Следите ли Вы за молодыми российскими художниками? Встречается ли что-то, на чем Ваш взгляд задерживается?

Конечно, интересного очень много. У меня есть и симпатии, и антипатии, как полагается, с некоторыми молодыми художниками я в контакте, сожалею, что мои непродолжительные визиты в России не всегда позволяют эти контакты расширять. А вообще, культурная жизнь в России сейчас интереснее, чем, например, в Париже.

На прогремевшую выставку Серова на Крымском валу успели сходить?

Успел, причем три раза. Замечательная выставка! И вот вам наглядный пример того, как искусство нужно в России. Часовые очереди в сильный мороз…



Несмотря на отрицание всего советского, в каком-то смысле Ваши работы – памятник той эпохе, взять хотя бы изображение советского знака качества. Почему так? Не забывается?

Все эти работы сделаны в советское времени, и я тех пор я к советским мотивам не возвращался. Думаю, что этого делать не нужно. Эстетизацией того времени я никогда не занимался, я просто старался его выразить. То, что мои работы живут и производят впечатление, говорит только о том, что я его выразил, поймал. А если время остановлено, то это уже навсегда. Если картина сделана, она определила время, дала ему название. А если это не сделано, то время уйдет неопознанным, как произошло с нашими 90-ми годами. А ведь какое это было уникальное, неожиданное время! Такого раньше никогда не было и больше уже не будет. А молодые художники тех лет, которые обязаны были уловить момент, говорили мне: «Конечно, вам легко было в советское время, все было понятно!» А что было понятно?! Как раз очень трудно было осмелиться сказать что-то свое, на своем языке. Не стыдиться самого себя, ведь мы стыдились, думали, что все настоящее либо в прошлом, либо заграницей, а у нас все не то – и язык, и культура. Настоящий художник должен не обращать на это внимания, он должен смотреть в вечность.

Вы прославились большими графическими работами, а в последнее время в Ваше творчество вошли новые сюжеты – цветы, пейзажи. Этому есть какое-то объяснение?

Я работаю с тем материалом, который дает мне жизнь. А жизнь меняется.

То есть Вы недавно начали замечать цветы и мостики, на которые раньше не обращали внимания, создавая социальные, так сказать, пейзажи, и давая им названия «Осторожно!», «Не прислоняться»?

Может, и так. Мне всегда очень хотелось просто написать русский пейзаж. И никак не получалось. А сейчас тоже еще не совсем получилось, но я стараюсь. А вот современный «Московский дворик», мне кажется, получился. Я безумно люблю «Московский дворик» Поленова – это совершенно очаровательная картина, на которой Москва представлена как деревня. А я изобразил совсем другой двор – с современными домами, с машинами. Двор, в котором мы живем в Москве. Разумеется, в этой картине совсем иное отношение нежели то,

какое было, когда я писал «Опасность», например, - просто потому, что никакой опасности я здесь не вижу. С другой стороны, у меня есть картина «С Новым годом», где я вижу и пытался выразить и советскую, и французскую опасность – «Bonne année». Здесь есть ожидание какого-то взрыва. Работа была сделана накануне теракта.
Несколько лет назад я работал над картиной «Наше время пришло», где пытался выразить сегодняшнюю российскую ситуацию, переход от одной эпохи к другой. Так что в каком-то смысле я продолжаю свою линию, но, возможно, по-иному.

Неоднократно внимательно рассматривая Ваши картины я испытывала ощущение, что Вы пишите с оглядкой назад, но при этом с устремленностью в будущее. Какого отношение ко времени в наш сиюминутный век у Вас, человека, прожившего долгую жизнь, за которую столько всего сменилось?

Тут уже, наверное, говорит возраст. Вот, например, картина «Куда». Откуда я знаю – куда? Я не знаю, никто не знает. Я только абсолютно убежден в том, что там, за горизонтом, что-то будет, что со смертью ничего не кончается, открывается что-то новое, и это новое и будет основным.

От редакции: 15 мая в парижском Центре Жоржа Помпиду Эрику Владимировичу Булатову будет награжден знаком на ленте, соответствующим званию кавалера Ордена искусств и литературы, присуждаемому Министерством культуры Франции. Редакция Нашей Газеты.ch искренне поздравляет Эрика Владимировича и желает ему крепкого здоровья и новых прекрасных картин!

Добавить комментарий

Пожалуйста, войдите или зарегистрируйтесь , чтобы отправить комментарий

Erik Bulatov : « Je voulais exprimer mon temps »

Auteur : Nadia Sikorsky, Genève, 30.03.2016 Nashagazeta.ch
Traduction : Olga Britschgi
Relecture : Pierre-Henri Jaccaud

Nashagazeta.ch a déjà eu l'occasion de parler en détail d'Erik Bulatov qui a fêté ses 80 ans il y a trois ans, il continue à travailler activement et à exposer ses œuvres. Les lecteurs curieux peuvent retrouver et lire nos anciennes publications, pour rappel nous dirons que le succès n'est pas venu tout de suite pour cet ancien étudiant de l'école des Beaux-Arts de Sourikov. Pendant de nombreuses années, il a gagné sa vie en travaillant dans la maison d'édition « Malysh », illustrant des livres pour enfants en collaboration avec son ami Oleg Vasiliev.

Ses œuvres ont été exposées pour la première fois en 1957 dans le cadre d'une exposition collective à Moscou, mais il lui a fallu attendre 31 ans avant d'exposer personnellement. Finalement le succès a tout de même été au rendez-vous, notamment au niveau financier – Bulatov est un des artistes contemporains russes dont les œuvres se vendent pour des millions dans les ventes aux enchères.

Malgré le fait que depuis 1992 Erik Bulatov et son épouse Natacha habitent principalement à Paris, il continue à se considérer comme un artiste russe et se rend régulièrement à Moscou, où il a déjà eu deux expositions rétrospectives : à la galerie nationale Tretiakov en 2006 et au Manège en 2014. Et aussi une présentation importante au Garage en 2015.

Nous avons été ravis de pouvoir discuter avec Erik Bulatov après le vernissage de son exposition actuelle à Genève.

Erik Vladimirovitch, vos admirateurs se font du souci – pourquoi aussi peu de tableaux, que 260 sur un parcours de création aussi long ?

Je serais très heureux si je pouvais travailler plus rapidement. Mais je n'y arrive pas, tout simplement parce qu'on n'arrive généralement pas à tout de suite obtenir ce qu'on veut. Le travail commence par l'apparition d'une image dans mon esprit – soit consciemment, soit inconsciemment, mais en tout cas, je la visualise d'une manière très claire. Par contre, quand j'essaye de la matérialiser, cela ne marche pas. Il est rare qu'on réussisse quelque chose du premier coup. Il faut donc chercher assez longtemps la possibilité d'exprimer ce que l'on veut communiquer. D'habitude je fais beaucoup de dessins préparatoires dans lesquels je cherche à conceptualiser l'image, car le faire tout de suite sur la toile – c'est un horrible martyre. Par contre, avec les petits dessins, on y arrive plus rapidement, j'en réalise beaucoup jusqu'au moment où je vois que c'est ressemblant, que je reconnais mon image mentale ! Ensuite je peux commencer le grand tableau. En fait, c'est plutôt les grands tableaux que je peins plus rapidement. Ainsi, ce n'est pas parce que je ne fais rien que je n'arrive pas à produire plus … Je me donne vraiment de la peine !

Nous n'avons aucun doute là-dessus ! Et nous vous remercions pour tout ce qui a été accompli et ce qui suivra. Vous avez des liens anciens et particuliers avec la Suisse, dont Nashagazeta.ch a déjà parlé. C'est ici, et plus précisément à Zurich, en 1988, qu'a eu lieu votre première exposition personnelle, qui a lancé votre carrière internationale. Il y a plus de vos œuvres dans des collections muséales (Bâle, Berne) et privées (Berne, Bâle, Genève, Zurich) suisses que dans tout l'espace de l'ex-URSS. Quand on mentionne le nom « Suisse », quelle image se forme dans votre esprit?

La Suisse… (*il réfléchit)* Je ne sais pas… C'est ma seconde patrie, je suis très reconnaissant envers ce pays et je viens toujours ici avec des sentiments très chaleureux.

Et vous n'avez pas envie de dessiner quelque chose de « suisse »?

J'ai même essayé. Le lac Léman (*il dit* – lac de Genève) m'a beaucoup impressionné, le panorama qu'on en a depuis Lausanne, ces cygnes, ces montagnes… Une telle beauté ! Mais je n'y suis pas arrivé…

Peut-être faut-il venir plus souvent ? Vous promener plus au bord du lac ?

C'est possible *(il sourit*). Mais si on revient à l'image mentale de la Suisse, c'est probablement justement le lac et les montagnes.

Malgré votre amour pour la Suisse, vous préférez habiter à Paris, à l'inverse d'autres russes célèbres qui ont choisi le pays alpin…

Nous n'avons jamais pensé à rester en Suisse, à la base, nous étions venu pour le travail, ce n'était pas dans le but d'émigrer. Et personne ne nous a invités à rester ici. On nous a invités en Allemagne, en France, mais d'abord nous sommes allés à New York, où nous avons vécu une année et demie, après quoi il nous a paru clair que notre place était tout de même en Europe, car notre conscience est européenne, tandis que l'Amérique – c'est quelque chose d'autre (d'étranger). Et à l'époque, Paris nous a paru être la ville qui nous convenait le mieux.

Bon, la tradition d'artistes russes à s'établir à Paris existe aussi…

Oui, évidemment (*il rit)*. Les artistes russes voulaient toujours aller à Paris, même moi j'en rêvais depuis l'enfance.

Vous êtes la confirmation de la célèbre expression « nul n'est prophète dans son pays ». En Russie on vous a découvert, compris (pour ceux qui l'ont fait) et apprécié depuis peu longtemps, beaucoup plus tard qu'en Occident. Comme votre cas n'est, malheureusement, de loin, pas unique, on peut en parler comme d'un phénomène. Comment expliquez-vous cette « particularité de la mentalité soviético-russe » ?

Oh-là-là, je ne sais pas… En fait, je ne suis pas sûr que cela soit un phénomène purement russe, à mon avis c'est plutôt caractéristique des humains en général, et cela apparaît

dans d'autres cultures nationales. Peut-être que c'est même lié à des particularités nationales culturelles, mais comment, je n'y ai jamais pensé. En ce qui me concerne personnellement, le problème était dans le système, non pas russe mais soviétique, dans l'idéologie soviétique.

Avez-vous de la rancune ?

Non, par rapport à quoi dois-je avoir de la rancune ? En réalité, j'étais prêt à ce que je ne puisse jamais montrer ce que je fais et que je ne pourrais jamais en vivre. Ainsi, ce qui s'est passé a été un cadeau du destin, une sorte de bonheur… Je le vois comme une seconde destinée, la première s'est terminée et une deuxième a commencé.

Ces dernières années vous venez en Russie comme un invité d'honneur, vous êtes considéré comme une fierté nationale. Selon vous, est-ce qu'il s'agit vraiment d'une « nouvelle Russie » ou ce ne sont que les enseignes qui ont changé, mais le fond est resté le même ?

On ne peut pas dire qu'on a juste changé l'enseigne et que tout est resté pareil. Tant que les frontières sont ouvertes, tant qu'on peut aller et venir – c'est déjà complétement autre chose que le système soviétique. Normalement, c'est ce que disent ceux qui ne l'ont pas vécu. Mais moi, je me souviens encore des dernières années de Staline. Ceux qui ne savent pas comment c'était à cette époque-là peuvent encore se faire des illusions et avoir des souvenirs nostalgiques du système soviétique, moi, je n'en ai pas. Il existe le danger du nationalisme, la menace d'un retour en arrière et ce n'est vraiment pas réjouissant. Mais, comme je l'ai dit, tant que les frontières sont ouvertes, il n'y aura pas de retour au système soviétique. D'un autre côté, ma dernière exposition au « Manège » m'a montré à quel point les jeunes ont besoin de l'art, comme ils sont attirés par lui ! Pour moi c'était une vraie fête, je ne m'y attendais pas du tout. Il y avait de jeunes artistes ou tout simplement des gens qui m'approchaient, s'intéressaient, demandaient de faire une conférence, ils écoutaient avec beaucoup d'attention. J'étais vraiment épaté.

On entend beaucoup de discussions sceptiques, comme quoi les jeunes n'ont besoin de rien, que c'est la fin de l'art… Ce n'est pas le cas ! Je comprends que beaucoup, peut-être n'en n'ont pas besoin, mais beaucoup d'autres – oui ! Je l'ai vu de mes propres yeux.

Cela donne de l'espoir, n'est-ce pas ?

Bien sûr, car ils sont notre avenir, grâce à eux je n'adhère pas complétement à la vision sceptique par rapport à ce qui se passe actuellement en Russie. Oui, la situation est difficile, le sentiment d'être entouré d'ennemis crée la nécessité de se rassembler autour d'un gouvernement quel qu'il soit. Sur cette base de menace extérieure, le nationalisme intérieur relève la tête, c'est le nationalisme le plus vilain, le plus soviétique. Je trouve que la position qu'a adoptée l'Europe vis à vis de la Russie est une grande erreur. Un maximum de contacts et d'échanges peuvent faire évoluer la conscience des gens vers le mieux, stimuler le développement de la démocratie, etc. Mais le fait de repousser la Russie crée une réaction naturelle de méfiance. C'est là où se niche le danger.

Vous souvenez-vous de l'irruption des « défenseurs des sentiments des croyants » dans une exposition au Manège et le saccage qu'ils y ont entrepris ? Quel est votre point de vue par rapport à ceci ?

A mon sens, en général, la position de l'Eglise est vraiment désagréable, elle joue un très mauvais rôle vis à vis de la culture. L'Etat ne doit pas se mêler de ce genre d'affaires et quand il le fait, les cartes s'embrouillent complétement. D'un côté l'artiste ne doit pas se permettre des algarades qui manquent de respect vis à vis des sentiments des croyants, j'en suis profondément convaincu. S'il n'est pas d'accord avec l'attitude de l'Eglise, il peut exprimer son point de vue en trouvant un moyen plus adéquat. Mais la religion, la foi – sont des questions qu'il ne faut pas railler. En principe, si un créateur veut exprimer quelque chose dans cette situation difficile et sensible, il doit agir comme un artiste, c'est à dire qu'il doit trouver la forme artistique, l'image mentale, qui pourrait traduire ses pensées et ses sentiments. Dans l'art visuel d'abord - c'est l'image. Le mot, l'explication viennent toujours après. Si l'artiste se manifeste comme un citoyen ou tout simplement comme un homme vivant dans ce pays et ayant le droit de s'exprimer, il doit comprendre qu'il devra assumer toute la responsabilité citoyenne. Et ne pas crier ensuite qu'on l'empêche de s'exprimer et ne pas se cacher derrière l'art. En résumé, le geste citoyen doit vraiment être intentionnel et être interprété comme tel.

Mais où est cette limite ? Nous connaissons tous l'expression « tu peux ne pas être un poète, mais tu dois être un citoyen ». Que faire quand tout est entrelacé? Quelle ligne ne faut-il pas franchir en exprimant sa position citoyenne à travers l'art ?

Quand l'artiste exprime sa position à travers l'art – ce sera de l'art. Mais quand il y a un acte, une action, qu'on nomme comme étant une œuvre artistique, c'est autre chose. Oui, la frontière dans ce cas-là est difficile à établir, elle est équivoque, mais elle existe toujours et l'artiste ne peut pas ne pas en être conscient. Souvent ce genre de situation conflictuelle se crée lorsqu'un jeune artiste veut attirer l'attention sur lui par n'importe quel moyen, n'importe lequel. Le moyen le plus direct et le plus facile – c'est le scandale. En sachant pertinemment qu'il y aura un scandale, la personne réalise son action sous le couvert de l'art. C'est malhonnête et la responsabilité de l'artiste est là très sérieuse. Bien sûr que l'Etat ne devrait pas se mêler dans les affaires de l'art, mais il ne faut pas le provoquer consciemment, car sinon la faute devient équivalente.

Au final, on arrive à la situation où l'artiste commence à être persécuté, on le critique et parfois il est même incarcéré, dans ce cas, il faut, évidemment, le défendre, même si on en a pas envie. Mais il le faut. C'est pour cette raison que l'artiste n'a pas le droit de créer de telles situations.

Suivez-vous les jeunes artistes russes ? Y-a-t-il des choses par lesquelles votre regard est attiré ?

Bien sûr, il y a beaucoup de choses intéressantes. J'ai évidemment des sympathies et des antipathies, je suis en contact avec un certain nombre de jeunes artistes, malheureusement, mes courtes visites en Russie ne me permettent pas d'élargir ces contacts. Mais en fait, la vie culturelle en Russie est actuellement plus intéressante, que, par exemple, celle de Paris.

Avez-vous eu le temps d'aller voir la très plébiscitée exposition de Serov à Krimskij Val ?

Oui, j'y suis allé même trois fois. Une exposition magnifique ! Et là vous avez la démonstration que l'art est nécessaire en Russie. Des fils d'attente de plusieurs heures par des grands froids (pour y accéder)…

Malgré la négation de tout ce qui est soviétique, vos œuvres sont en quelque sorte un hommage à cette époque. Par exemple, la reproduction du signe de qualité soviétique. Pourquoi ? C'est inoubliable ?

Toutes ces pièces ont été créées à l'époque soviétique et depuis je ne suis plus revenu aux motifs soviétiques. Je pense qu'il ne faudrait pas le faire. Je ne me suis jamais occupé de l'esthétisation de cette époque, j'essayais simplement de l'exprimer. Le fait que mes œuvres vivent et produisent leur effet montre juste que je l'ai exprimé, je l'ai capté. Et si le temps a été arrêté, c'est pour toujours. Si une œuvre est achevée, elle a défini son temps, son époque, elle l'a nommée. Si cela n'a pas été fait, celle-ci disparaîtra sans avoir été identifiée, comme c'est arrivé dans nos années 90. Cette époque a été unique et inattendue ! Il n'y a jamais eu d'époque comme celle-là et il n'y en aura plus. Et les jeunes artistes de ces années, qui avaient l'obligation de capter ce moment, me disaient : « Evidemment, c'était facile pour vous à l'époque soviétique, tout était clair ! » Mais qu'est-ce qui était clair ? Justement, ce qui était difficile, c'était de trouver le courage de dire quelque chose à soi, dans son propre langage. Ne pas avoir honte de soi-même, car nous avions honte, nous pensions que le présent était soit dans le passé, soit à l'étranger, tandis que chez nous – rien n'était bon – ni la langue, ni la culture.

Vous vous êtes fait connaître par des grandes œuvres graphiques, et dernièrement de nouveaux sujets ont apparu dans vos œuvres – des fleurs, des paysages. Y-a-t-il une explication à ceci ?

Je travaille avec la matière que me donne la vie. Et la vie change.

En d'autres mots, cela ne fait pas longtemps que vous avez commencé à remarquer les fleurs et les pontons, auxquels vous ne prêtiez pas attention avant, créant plutôt des paysages sociaux et en les nommant « Attention ! », « Ne pas se pencher » ?

C'est possible que cela soit ainsi. J'ai toujours voulu simplement peindre un paysage russe. Et je n'y arrivais pas. Et à présent je n'y suis pas encore complétement arrivé, mais je me donne de la peine. Mais « Une petite cour de Moscou » contemporaine est, à mon avis, réussie. J'adore « Une petite cour de Moscou » de Polenov – c'est un tableau charmant, dans lequel Moscou est présenté comme un village. Quant à moi, j'ai peint une cour complétement différente – avec des maisons contemporaines, des voitures. Une cour dans laquelle on vit aujourd'hui à Moscou. Il est clair que le sentiment que j'avais en réalisant cette œuvre est tout autre que celui que j'avais en peignant, par exemple, « Danger », car ici je ne vois aucun danger. Par ailleurs, j'ai peint un tableau qui s'intitule « Bonne Année », dans lequel j'aperçois un danger, à travers ce tableau, j'ai essayé d'exprimer un danger russe et français. On y sent l'attente d'une explosion. L'œuvre a été peinte la veille d'un acte terroriste.

Il y a quelques années je travaillais sur l'œuvre « Notre temps est arrivé », où j'essayais d'exprimer la situation actuelle de la Russie, le passage d'une époque à une autre. Ainsi, d'une certaine manière, je continue ma ligne, mais, possiblement, autrement.

En contemplant à plusieurs reprises vos tableaux, j'avais le sentiment, que vous peignez en jetant des coups d'œil vers le passé, tout en vous élançant vers l'avenir. A notre époque de l'instantanéité, vous qui avez vécu une longue vie lors de laquelle il y a eu tellement de changements, quel est votre rapport au temps ?

Là, c'est probablement mon âge qui parle. Par exemple, mon tableau « Où ». Je ne sais pas – vers où ? Je ne le sais pas, personne ne le sait. Je suis juste profondément persuadé que là-bas, derrière l'horizon, il y aura quelque chose, qu'avec la mort rien ne se termine, il y a quelque chose de nouveau qui s'ouvre et ce nouveau sera l'essentiel.

De la rédaction : le 13 mai au Centre Georges Pompidou à Paris, Erik Bulatov recevra la distinction qui équivaut au titre de Chevalier de l'Ordre de l'art et de la littérature, décernée par le Ministère de la Culture française.